

К Н И Г И
Ричарда Йейтса

В СЕРИИ
«АЗБУКА-БЕСТСЕЛЛЕР»

Дорога перемен
•
Одиннадцать
видов
одиночества

Ричард
Йейтс

ОДИННАДЦАТЬ
ВИДОВ
ОДИНОЧЕСТВА

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Й 30

Richard Yates
ELEVEN KINDS OF LONELINESS
Copyright © 1957, 1961, 1962, The Estate of Richard Yates
All rights reserved

Перевод с английского
Василия Дорогокупля, Ольги Серебряной,
Петра Серебряного, Ксении Тверьянович

Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Пожидаева

© В. Дорогокупля, перевод, 2017
© О. Серебряная, перевод, 2017
© П. Серебряный, перевод, 2017
© К. Тверьянович, перевод, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-13693-9

ДОКТОР ЖУТКИЙ

О новом мальчике мисс Прайс рассказали совсем немного: она знала только, что большую часть жизни он провел в каком-то приюте, а сеговластые «дядя и тетя», с которыми он теперь жил, были опекунами и получали за это деньги от городского управления социального обеспечения Нью-Йорка. Окажись на ее месте другой учитель — не столь преданный делу или не столь одаренный воображением, — он постарался бы разузнать подробности, но мисс Прайс было довольно и этих скудных сведений. В любом случае их оказалось достаточно, чтобы все ее существо наполнилось чувством ответственности за несчастного ребенка. Этим чувством, естественным, как любовь, ее глаза так и светились в то первое утро, когда мальчика привели в четвертый класс.

Он пришел рано и сел за дальнюю парту — очень прямая спина, лодыжки под партой скрещены строго по центру, руки сложены посередине столешницы, будто в симметрии можно найти убежище от любопытных глаз, — и когда другие дети гуськом потянулись в классную комнату, каждый из них смерял новичка продолжительным, ничего не выражающим взглядом.

— Сегодня у нас в классе новый ученик, — объявила мисс Прайс, констатируя очевидное с таким выражением, что все захихикали. — Его зовут Винсент Сабелла, он из Нью-Йорка. И мы все постараемся помочь ему поскорее освоиться.

Тут все вдруг разом обернулись, чтоб посмотреть на новичка, — бедняга даже немного пригнулся и заерзал на стуле. Обычно, если кто-то приезжал из Нью-Йорка, сам этот факт вызывал некоторое уважение. Большинству детей город представлялся увлекательным местом, предназначенным только для взрослых. Их отцы пропадали там каждый день, а им самим разрешалось бывать там лишь изредка и непременно в лучшей одежде, в качестве развлечения. Но при первом же взгляде на Винсента Сабеллу становилось понятно, что к небоскреbam он не имеет решительно никакого отношения. Даже если бы вы не обратили внимания на спутанную шевелюру и сероватый оттенок кожи, одежда бы выдавала его с головой: до нелепости новенькие вельветовые брючки, до нелепости же старенькие кеды и желтый хлопчатобумажный джемпер, который был явно мал своему хозяину и хранил на груди ошметки отвалившейся аппликации с изображением Микки-Мауса. Очевидно было, что парнишка явился из той части Нью-Йорка, которую проезжаешь на поезде по пути к Центральному вокзалу, — из той части, где люди вывешивают постельное белье проветриваться на подоконник и, облокотясь на него, весь день напролет сидят и исходят скукой, уставившись в одну точку, а кругом, куда ни глянь, тянутся прямые, глубо-

кие улицы, одна за другой, все одна на другую похожие, с людными тротуарами, кишащими вот такими серокожими мальчишками, отчаянно гоняющими мяч.

Девочки решили, что новенький так себе, и отвернулись. Мальчишки же, не торопясь делать выводы, пытливо осматривали его сверху донизу с легкой усмешкой. Таких парней они привыкли считать «хулиганами», каждому хоть раз в жизни случалось, оказавшись в незнакомом квартале, сжиматься под таким взглядом. И вот возникла счастливая возможность отыграться.

— Скажи, Винсент, как нам к тебе обращаться? — спросила мисс Прайс. — То есть как тебе больше нравится: Винсент, Винс или еще как-нибудь?

Вопрос имел чисто академическое значение, ведь даже мисс Прайс понимала, что мальчишки будут звать новичка по фамилии, Сабелла, а девочки вообще никак не будут его звать.

— Можно Винни, — ответил он странным, надтреснутым голосом, видимо охрипшим от крика, с которым его обладатель носился по грязным улочкам своего квартала.

— Прости, не расслышала, — сказала учительница, склонив набок и немного вперед милую головку, так что один из тяжелых локонов скатился с плеча и свободно повис в воздухе. — Ты сказал «Винс»?

— «Винни» я сказал, — смущенно повторил новенький.

— А, значит, «Винсент»? Ну хорошо, Винсент.

В классе захихикали, но никто не взял на себя труда указать мисс Прайс на ее ошибку. Пусть ее, так веселее.

— Так вот, Винсент, я не буду тратить время и представлять тебе всех ребят по имени, — продолжала мисс Прайс. — Думаю, тебе будет проще запомнить их естественным образом, во время урока. И конечно, мы не ждем, что ты сразу полностью вступишь в работу. Попривыкни денек-другой, не спеши, а если что-то будет непонятно — обязательно спрашивай.

Парнишка крякнул невразумительно, и по лицу его пробежала улыбка — мимолетная, но успешная обнажить зеленые у корней зубы.

— Ну что ж, — произнесла мисс Прайс, переходя к делу, — сегодня понедельник, и по плану мы должны начать с докладов. Кто первый?

О Винсенте Сабелле все тут же забыли. Поднялись сразу семь рук, и учительница отступила в притворном удивлении.

— Вот это да, как много у нас сегодня докладчиков!

Идея еженедельных докладов (каждый понедельник в течение пятнадцати минут дети рассказывали о том, что случилось с ними в прошедшие выходные) принадлежала лично мисс Прайс, и та с полным правом этим гордилась. На последнем педагогическом совете директор ее похвалил и подчеркнул, что это задание прекрасно помогает установить связь между двумя мирами, домашним и школьным, и дает детям ощущение гармонии и уверенности. Требовалось, разумеется, чуткое руководство, чтобы расшеве-

лить застенчивых и сдерживать бойких, но в целом, как заверила директора мисс Прайс, доклады всем очень нравились. Сегодня учительница особенно надеялась, что они всем понравятся: ей хотелось, чтобы Винсент Сабелла поскорее освоился и почувствовал себя свободнее, поэтому она первым делом вызвала Нэнси Паркер. Никто не умел так увлечь слушателей, как Нэнси.

Все притихли, наблюдая, как Нэнси грациозно выходит к доске. Когда она заговорила, даже те две-три девочки, которые тайно ее презирали, были вынуждены изобразить большой интерес (столь велик был ее авторитет), ну а мальчишки, которые на переменах с наслаждением толкали ее, так что она с визгом летела в грязь, теперь, глядя на любимую жертву своих озорных выходок, не в силах были подавить идиотически-робкую улыбку.

— Ну... — начала Нэнси — и тут же прикрыла рот рукой. Этот жест сопровождался общим хохотом.

— Нэнси, милая, — проговорила мисс Прайс. — Ты же знаешь правила, нельзя начинать доклад с «ну».

Нэнси правила знала: она нарушила их специально, чтобы все засмеялись. Дождавшись, когда волна смеха уляжется, она вытянула указательные пальцы по швам юбки и снова заговорила — теперь уже как положено.

— В пятницу мы всей семьей поехали кататься на новой машине моего брата. На прошлой неделе он купил новый «пontiак» и хотел нас всех прокатить — чтобы испытать в деле

и вообще... Ну, понимаете. И вот мы поехали в Уайт-Плейнс, там поужинали в ресторане, а потом все хотели пойти в кино на «Доктора Джекилла и мистера Хайда», но брат сказал, что этот фильм слишком страшный и вообще мне его смотреть рано. Я так разозлилась! А потом... сейчас скажу... В субботу я весь день была дома, помогала маме шить свадебное платье для сестры. Дело в том, что моя сестра помолвлена, и вот мама делает ей платье на свадьбу. В общем, этим мы и занимались, а в воскресенье на ужин пришел друг моего брата, а потом, тем же вечером, им нужно было вернуться в колледж, и мне разрешили посидеть подольше, чтобы их проводить. Ну вот. Кажется, все.

Нэнси прекрасно чувствовала, когда нужно остановиться, чтобы не затянуть выступление — или, точнее, чтобы оно показалось короче, чем было на самом деле.

— Молодец, Нэнси, — сказала мисс Прайс. — Кто следующий?

Следующим был Уоррен Берг. Пробираясь к доске по проходу между партами, он старательно подтягивал штаны.

— В субботу я обедал у Билла Стрингера, — начал он с привычным прямодушием и непосредственностью, и Билл Стрингер, сидящий в первом ряду, сконфуженно заерзал. Они с Уорреном Бергом были закадычные друзья, и в их докладах речь часто шла об одних и тех же событиях. — А после обеда мы поехали на великах в Уайт-Плейнс. И мы *посмотрели* «Доктора Джекилла и мистера Хайда». — При этих словах он

кивнул в сторону Нэнси; та недовольно, завистливо фыркнула, чем вызвала у одноклассников новый приступ смеха. — Фильм очень хороший, — продолжал Уоррен, — там про чувака, который...

— Про человека, который... — поправила мисс Прайс.

— Про человека, который намешал разных химикатов и превратился в настоящее чудище. Там прямо показывают, как он выпивает эту смесь, и прямо видно, как у него руки все покрываются чешуйками, как у рептилии такой, а потом у него лицо меняется в такую уродливую физиономию, представляете? И клыки изо рта торчат.

Девочки поежились от страха и удовольствия.

— Что ж, — заметила мисс Прайс, — возможно, брат Нэнси был прав, что не хотел ей показывать этот фильм. Чем же ты занялся *после* фильма, Уоррен?

По классу пронесся разочарованный возглас: всем хотелось услышать подробности о клыках и чешуйках, однако мисс Прайс не любила, чтобы доклады превращались в пересказы фильмов. Уоррен продолжил свою историю, впрочем без особого энтузиазма: после фильма они не делали ничего особенного, просто слонялись по двору Билла Стрингера до самого ужина.

— А в воскресенье, — Уоррен снова воспрянул духом, — Билл Стрингер пришел ко мне, и мой папа помог нам подвесить старую шину на длинной веревке! Привязать к дереву! У меня за домом есть холм, крутой такой, там типа обрыва,

и вот мы так подвесили эту шину, что можно, знаете, так взять ее, побежать, а потом поджать ноги и полететь над обрывом, а потом обратно, и так качаться.

— Весело, наверное, — заметила мисс Прайс, взглянув на часы.

— Ой, очень-очень весело, — подтвердил Уоррен.

Вдруг он снова поддернул штаны и добавил, нахмутив лоб:

— И конечно, очень опасно. Если выпустить шину из рук или еще что, полетишь так, что костей не соберешь. Можно там, например, о камень удариться. Ногу там сломать или позвоночник. Но папа сказал, что верит в нас обоих. Что мы будем осторожны.

— Что ж, Уоррен, боюсь, у нас остается мало времени, — сказала мисс Прайс. — Мы успеем послушать только один, последний доклад. Кто готов? Артур Кросс?

Послышался тихий стон, ибо Артур Кросс был самым отъявленным олухом в классе и доклады у него всегда были очень скучные. На сей раз он принялся нудеть о том, как навещал дядю на Лонг-Айленде. В какой-то момент он оговорился: сказал «лоторная мотка» вместо «моторная лодка», и все захохотали как-то особенно глумливо. Так не смеялись ни над кем, кроме Артура Кросса. Но смех оборвался, когда из дальнего угла комнаты раздалось резкое, сухое карканье. Винсент Сабелла тоже рассмеялся — со своими зелеными зубами и прочими прелестями, и все дружно пялились на него, пока он не смолк.

Покончив с докладами, класс приступил к обычным учебным занятиям. О Винсенте Сабелле вспомнили только на перемене — и то лишь для того, чтобы никуда его не принять. Не было его ни среди мальчиков, что столпились у турника и по очереди кувыркались, ни в той группе, что шепталась в дальнем углу игровой площадки, выбирая, где именно сподручней толкнуть в грязь Нэнси Паркер. Не было его и в большой компании, куда приняли даже Артура Кросса: мальчишки гонялись друг за другом кругами, играя в некое безумное подобие салочек. Разумеется, к девочкам он присоединиться не мог, к мальчикам из других классов тоже, поэтому не стал присоединяться ни к кому. Он остался возле здания школы, у выхода на игровую площадку, и первую часть перемены усиленно делал вид, будто очень занят шнурками на своих кедах. Он садился на корточки, распускал шнурки и снова завязывал, поднимался и делал несколько пробных шагов пружинящей спортивной походкой, затем вновь нагибался и начинал все сначала. Минут через пять он все же оставил это занятие, набрал пригоршню камешков и принялся метать их в невидимую мишень, на расстояние в несколько ярдов. Этого хватило еще на пять минут, но от перемены оставалось еще пять, и мальчишка не смог придумать больше ничего, кроме как просто стоять, сперва засунув руки в карманы, потом уперев их в бока и наконец мужественно скрестив на груди.

Мисс Прайс наблюдала за происходящим, стоя в дверях, и всю перемену размышляла о том, стоит ли ей как-то вмешаться. Решила, что не стоит.

На следующий день во время очередной перемены ей вновь удалось сдержать соответствующий порыв, как и в последующие дни той недели, хотя с каждым днем оставаться в стороне было все труднее. Но полностью скрыть свое беспокойство во время занятий она была не в силах. Винсенту Сабелле публично прощались любые ошибки, даже те, которые никак не были связаны с его положением новичка. Все его успехи особо подчеркивались. Стремление учительницы поддержать мальчика, к сожалению, было очевидно, особенно в тех случаях, когда она очень старалась действовать деликатно. Например, однажды, объясняя арифметическую задачу, она сказала:

— Представьте, что Уоррен Берг и Винсент Сабелла пошли в магазин и у каждого есть пятнадцать центов. Шоколадный батончик стоит десять центов. Сколько батончиков получит каждый?

К концу недели новичок имел все шансы превратиться в гадкого любимчика-подлизу, несчастную жертву учительской жалости.

В пятницу мисс Прайс решила, что самое лучшее — побеседовать с новичком один на один и попытаться вызвать его на откровенность. Можно было, например, поговорить о рисунках, которые он сделал на уроке, — хорошая тема, располагает к искренности. Учительница запланировала разговор на обеденный перерыв.

Только вот для Винсента Сабеллы обеденный перерыв был самым тяжелым испытанием за весь учебный день — после перемены, конеч-

но. Вместо того чтобы пойти на часок домой, как делали другие дети, он приносил обед с собой в мятом бумажном пакете и съедал прямо в классе — ситуация, прямо скажем, неловкая. Уходявшие из класса последними видели, как он с извиняющимся видом продолжает сидеть за своей партой, сжимая в руках бумажный пакет, и если кому-то из детей приходилось вернуться за оставленной шапкой или свитером, они заставляли беднягу врасплох посреди трапезы: он судорожно прятал от любопытных глаз варенное вкрутую яйцо или украдкой стирал с губ майонез. Конечно, легче мальчишке не стало, когда мисс Прайс, на глазах у еще не разошедшихся по домам детей, грациозно присела на край соседней парты, давая понять, что готова пожертвовать частью собственного обеденного перерыва для общения с ним.

— Винсент, — начала она, — я хотела сказать, что мне очень понравились твои рисунки. Они замечательные.

Мальчик пробормотал что-то нечленораздельное и бросил нервный взгляд на кучку одноклассников, столпившихся у двери на выход. Учительница продолжала говорить, улыбаясь, рассказывая о том, как хороши рисунки; когда дверь закрылась за последним ребенком, Винсент наконец был готов уделить ей внимание — сперва недоверчиво. Но чем дольше она говорила, тем больше он расслаблялся, и наконец мисс Прайс поняла, что мальчик окончательно успокоился. Это было так же легко и приятно, как гладить кота. Покончив с рисунками, она уверенно

перешла к другим, более общим поводам для похвалы.

— Всегда трудно, — рассуждала она, — оказаться в новой школе. Приходится приспособливаться — ну, скажем, к новым заданиям, к новым подходам, и, по-моему, ты отлично справляешься. Честное слово. Скажи честно, тебе здесь нравится?

Он опустил глаза к полу — ровно настолько, чтобы хватило времени для ответа:

— Нормально, — и вновь поднял взгляд на учительницу.

— Я очень рада. Я не хочу отрывать тебя от еды, Винсент. Ты ешь, а я посижу рядом, если ты не против.

Надо сказать, к этому моменту было уже совершенно очевидно, что он не против. С непривычным, в глазах мисс Прайс, самозабвением мальчик принялся разворачивать бутерброд с копченой колбасой. Если бы кто-то из детей вошел в это мгновение в класс и увидел, как Винсент ест, это бы уже не имело большого значения, но никто не вошел, и это тоже было неплохо.

Мисс Прайс поудобнее устроилась на парте, закинула ногу на ногу. С изящной ножки, обтянутой чулком, почти соскользнула туфелька.

— Конечно, — продолжала она, — чтобы привыкнуть к новой обстановке, всегда нужно время. И конечно, новичку бывает непросто найти общий язык с новыми одноклассниками. Я хочу сказать, ты не должен расстраиваться, если ребята поначалу ведут себя грубовато. На самом деле им тоже хочется подружиться с тобой, они просто

стесняются. Тут нужно немного времени и некоторые усилия — не только с их стороны, но и с твоей. Не слишком большие, конечно, но все же нужны. Вот например, эти доклады, которые мы слушаем по понедельникам: они помогают ребятам лучше узнать друг друга. Мы никого не заставляем выступать с докладом, просто те, кто хочет, могут выступить. Это только один из множества способов помочь окружающим понять, что ты за человек. Есть и много других путей. Главное — не забывать, что дружба — самая естественная вещь в мире. У тебя будет столько друзей, сколько ты пожелаешь, — это лишь вопрос времени. А пока что, я надеюсь, Винсент, ты будешь считать своим другом *меня*. Можешь обращаться ко мне за любым советом или за чем угодно. Договорились?

Мальчик кивнул и проглотил кусок бутерброда.

— Вот и хорошо. — Она встала и огладила юбку, прикрывавшую узкие бедра. — Теперь я пойду, а то не успею пообедать. Но я очень рада, Винсент, что мы с тобой поболтали, — надеюсь, не в последний раз.

Очень удачно сложилось, что она встала именно в этот момент, потому что, если бы она просидела на парте еще хотя бы минуту, Винсент Сабелла обхватил бы ее руками за талию и уткнулся бы лицом в теплую серую фланель на ее колени, а такое поведение может смутить даже самого преданного своему делу, самого творческого учителя.

В понедельник утром, когда пришло время докладов, мисс Прайс больше всех поразилась, увидев, как грязная рука Винсента Сабеллы взмыла в воздух едва ли не раньше остальных и едва ли не с самым большим нетерпением. У учительницы мелькнула мысль, что на всякий случай первым следует вызвать кого-нибудь другого, но потом, опасаясь задеть чувства новичка, проговорила:

— Давай, Винсент, — изо всех сил стараясь изобразить непринужденность.

Когда он шел по проходу между рядами парт, его сопровождало приглушенное хихиканье одноклассников. Тем не менее он уверенным шагом подошел к доске и обернулся к слушателям. Вид у него был даже слишком уверенный. Осанка и блеск в глазах выдавали его истинное состояние: мальчик нервничал страшно.

— В субботу я поглядел этот фильм, — объявил он

— Винсент! Посмотрел, — осторожно поправила мисс Прайс.

— Ну я и говорю, — согласился он. — Поглядел фильм. «Доктор Жуткий и мистер Хайд».

Класс взорвался диким, восторженным хохотом, и целый хор голосов поправил:

— Доктор Джекилл!

Винсент не мог перекричать поднявшийся гомон. Мисс Прайс в гневе вскочила со стула.

— Это совершенно естественная оговорка! — заявила она. — Почему вы ведете себя так грубо? Продолжай, Винсент, и прости, что тебя так глупо перебили.

Смех утих, но дети продолжали насмешливо покачивать головами. Разумеется, это вовсе не была естественная оговорка: она доказывала, во-первых, что он безнадежный дурак, а во-вторых — что он врет.

— Я это и имел в виду, — продолжал Винсент. — «Доктор Шакал и мистер Хайд». Перепутал немного. В общем, видел я, как у него стали лезть зубы изо рта и прочее, мне очень понравилось. А в воскресенье мамаша с батей прикатили за мной на своей тачке. На «бьюике». Батя и говорит: «Винни, хошь прокатиться?» А я говорю: «Еще бы, куда поедем?» А он говорит: «Куда хошь». Ну я и говорю: «Покатили за город, подальше. Давай найдем большую дорогу и по ней погоним». Вот мы поехали — миль на пятьдесят-шестьдесят — и покатили по длинной дороге. Вот мы катим, а нам на хвост садится коп. И батя говорит: «Не бойсь, стряхнем» — и жмет на газ. Прикиньте? Мамаша всполошилась, а батя говорит: «Не волнуйся, дорогая». А сам пытается свернуть, прикиньте, — ну, чтобы соскочить с трассы и сбросить копа с хвоста. Но только он повернул, а коп открыл дверцу — и давай палить из пушки. Представляете?

К этому моменту те немногие из одноклассников, кто еще был в силах смотреть на новичка, делали это, склонив голову набок и приоткрыв рот: так смотрят на сломанную руку или на циркового уродца.

— Короче, едва смылись, — продолжал Винсент. Глаза его сияли. — А бате в плечо пуля попала. Не сильно поранила — так, поцарапала.

И вот мамаша его перевязала и, короче, вести машину он больше не может, а ему к врачу надо, прикиньте. И вот батя говорит: «Винни, сможешь доехать сам?» А я говорю: «Конечно, покажи только как». Короче, показал он мне, как работают газ и тормоз и все прочее, и я отвез его к доктору. А мамаша говорит: «Я горжусь тобой, Винни, ты сам ведешь машину». Короче, прикатали мы к доктору, батю там подлечили, и он отвез нас домой. — Винсент перевел дыхание. После неуверенной паузы он добавил: — Вот и все.

Быстрым шагом он вернулся за свою парту. Новые, пока еще жесткие вельветовые брюки тихонько присвистывали на каждом шаге.

— Что ж, очень... интересно, Винсент, — сказала мисс Прайс, всеми силами делая вид, будто ничего особенного не случилось. — Кто следующий? — Но никто не поднял руки.

Перемена далась бедолаге еще тяжелее, чем обычно; некоторое облегчение наступило, когда он нашел где спрятаться: это был узкий бетонный тупик, разделявший два корпуса школы, в котором не было ничего, кроме нескольких закрытых пожарных выходов. Там было ободряюще уныло и прохладно. Мальчик стоял, прислонившись спиной к стене и глядя на выход из тупика, чтобы никто не появился неожиданно, а звуки перемены текли откуда-то издалека, подобно солнечному свету. Но в конце концов прозвенел звонок, и Винсенту пришлось вернуться в класс. До обеденного перерыва оставался час.

Мисс Прайс не трогала его, пока не пообедала сама. Затем, постояв не менее минуты возле двери, держа руку на дверной ручке и набираясь

решимости, она вошла в класс и присела возле Винсента, намереваясь провести с ним еще одну беседу. Тот как раз пытался проглотить остатки бутерброда с острым плавленым сыром.

— Винсент, — начала она, — нам всем очень понравился твой доклад. Но, думаю, он понравился бы нам еще больше — намного больше, — если бы ты рассказал о своей настоящей жизни. То есть, — торопливо продолжала она, — например, я заметила, что у тебя новая ветровка, очень красивая. Она ведь новая, правда? Тетя тебе ее в эти выходные купила?

Он не стал отрицать.

— Тогда почему ты не рассказал нам о том, как вы с тетей пошли в магазин и купили ветровку, и о том, чем вы занимались потом? Вышел бы отличный доклад. — Она выдержала паузу и впервые за все время пристально посмотрела ему в глаза. — Винсент, ты ведь понимаешь, что я хочу сказать? Правда?

Смахнув с губ хлебные крошки, он опустил глаза и кивнул.

— Учти на будущее, ладно?

Он снова кивнул:

— Мисс Прайс, можно мне выйти?

— Конечно.

Он пошел в туалет, и там его вырвало. Умывшись и выпив немного воды, он вернулся в класс. Мисс Прайс была чем-то занята за своим столом и взгляда не подняла. Чтобы не связываться с ней больше, мальчик пошел в раздевалку и присел на длинную скамью. Подобрал забытую кем-то га-лошу и принялся вертеть в руках. Вскоре послышалась болтовня возвращающихся детей. Чтобы

его не заметили, Винсент встал и пошел к пожарному выходу. Толкнув дверь, он увидел, что она ведет в тот самый тупик, где он утром скрывался. Он выскользнул наружу. Минуту-другую мальчик просто стоял, созерцая ровную поверхность бетонной стены; затем нащупал в кармане кусок мела и примерно на высоте фута от земли вывел печатными буквами все самые грязные ругательства, какие только знал. Написав четыре слова, он попытался вспомнить пятое, но вдруг услышал за спиной, у двери, шорох. Там стоял Артур Кросс. Держа дверь нараспашку, он, выпучив глаза, читал надпись на стене.

— Чувак, — произнес он зловещим шепотом, — чувак, ты за это огребешь. Огребешь по самое не хочу.

Вздрогнув, потом как-то вдруг успокоившись, Винсент Сабелла зажал кусок мела в ладони, засунул большие пальцы за ремень и с угрожающим видом повернулся к Артуру Кроссу.

— Да ладно? — произнес он с вызовом. — А кто на меня настучит?

— Нет-нет, никто не настучит, — залепетал Артур Кросс. — Просто не стоило бы тебе тут ходить и писать...

— Вот и ладно, — сказал Винсент и сделал шаг вперед. Он опустил плечи, вытянул шею и сощурился, как Эдвард Робинсон. — Вот и ладно. Остальное меня не колышет. Не люблю стукачей, усек?¹

¹ *Эдвард Робинсон* (Эмануэль Голденберг, 1893–1973) — американский актер, известен ролями в криминальных драмах.

При этих его словах в проеме двери появились Уоррен Берг и Билл Стрингер. Они услышали последнюю реплику и увидели слова, написанные мелом на бетонной стене. Винсент обратился к ним.

— Вас это тоже касается, усекли? — проговорил он. — Вас обоих.

Удивительно, но на лицах у Билла и Уоррена появились те же глуповатые, робкие улыбочки, что и на лице Артура Кросса. Потом они переглянулись и только тогда достойно встретить взгляд Винсента, но было уже поздно.

— Что, Сабелла, думаешь, ты самый умный? — спросил Билл Стрингер.

— Думай что хочешь, — возразил Винсент. — Ты меня слышал. Пошли отсюда.

Им ничего не оставалось, кроме как расступиться и пропустить его, а потом растерянно поплестись следом за ним в раздевалку.

Настучала на него Нэнси Паркер — хотя, когда речь идет о ком-нибудь вроде нее, слово «настучала» кажется неуместным. Она была в раздевалке и все слышала; как только мальчишки вошли, она выглянула наружу, в тупик, увидела надпись и, нахмурившись, с важным видом направилась напрямик к мисс Прайс. Учительница как раз собиралась призвать класс к порядку и начать урок, когда Нэнси подошла и зашептала что-то ей на ухо. Затем они обе отправились в раздевалку, откуда мгновение спустя донесся резкий хлопок двери пожарного выхода. Когда они вернулись в класс, Нэнси была вся красная

Содержание

ДОКТОР ЖУТКИЙ. <i>Перевод К. Тверьянович</i>	11
ВСЕГО НАИЛУЧШЕГО <i>Перевод К. Тверьянович</i>	38
ДЖОДИ ТУТ КАК ТУТ <i>Перевод К. Тверьянович</i>	62
СОВСЕМ НЕ БОЛЬНО <i>Перевод К. Тверьянович</i>	90
ЛЮБИТЕЛЬ ПОСТРАДАТЬ <i>Перевод К. Тверьянович</i>	110
ГРОЗА АКУЛ. <i>Перевод К. Тверьянович</i>	135
ВЕСЕЛЬЕ С ЧУЖИМИ <i>Перевод О. Серебряной</i>	159
БИ-ЭЙ-АР-МЕН. <i>Перевод В. Дорогокупли</i>	176
ОТМЕННЫЙ ДЖАЗОВЫЙ ПАССАЖ <i>Перевод В. Дорогокупли</i>	200
СТАРЫЙ — ДОЛОЙ. <i>Перевод П. Серебряного</i>	235
СТРОИТЕЛИ. <i>Перевод О. Серебряной</i>	259

Йейтс Р.

Й 30 Одиннадцать видов одиночества : рассказы / Ричард Йейтс ; пер. с англ. В. Дорогокупли, О. Серебряной, П. Серебряного, К. Тверьянович. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 320 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-13693-9

Впервые на русском — вторая классическая книга автора прославленной «Дороги перемен» — романа, который вошел в шорт-лист Национальной книжной премии США и послужил основой фильма Сэма Мендеса с Леонардо Ди Каприо и Кейт Уинслет в главных ролях (впервые вместе после «Титаника»!). Кейт Аткинсон называла Йейтса «реалистом высшей пробы, наследником Хемингуэя», а *New York Times* писала: «Стоит упомянуть само это название, „Одиннадцать видов одиночества“, — и целое поколение читателей понимающе улыбнется. Йейтс создал ни больше ни меньше — нью-йоркский эквивалент „Дублинцев“ Джойса». Заглавие сборника успело стать нарицательным (и даже наши отечественные меломаны помнят альбом Танины Тикарам «Eleven Kinds of Loneliness»). Итак, вашему вниманию предлагаются одиннадцать историй о встречах и расставаниях, о любви и ненависти, о хрупкости человеческих отношений и цене обмана — от «одного из величайших американских писателей двадцатого века» (*Sunday Telegraph*).

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

РИЧАРД ЙЕЙТС
ОДИННАДЦАТЬ ВИДОВ
ОДИНОЧЕСТВА

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Екатерины Киселевой
Корректоры Елена Терскова, Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 22.09.2017. Формат издания 84 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 15,6. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-ABA-21879-01-R